

ПРОСТО ОН РАБОТАЕТ ВОЛШЕБНИКОМ

РАНЬШЕ волшебники жили рядом и появлялись где угодно, по первому желанию. Ныне те, кто остался, зачислены в штат эстрады и разбегаются по всей стране с гастрольями. Поэтому я был чрезвычайно рад, когда по первому же звонку добродушный голос чародея произнес: «Иду вас ровно в два».

Я стучался в два, в три, в четыре и в пять. В шесть дверь отворилась, и на пороге появился, очевидно только что вошедший, волшебник. Он удивленно взглянул на меня, затем его лицо выразило крайнюю степень смущения, он всплеснул руками и широко рассмеялся.

— Забыл! Честное слово, забыл!

На пороге стоял Михаил Абрамович Куни — человек, чья феноменальная память стала легендарной...

Те, кто бывал на выступлениях Куни, всегда покидали зал с двойственным чувством. Восхищенных необычным даром этого человека, их все-таки терзал червь сомнения: «А если это обман? Не удивительные способности, а тщательно отрепетированный обман? Куни находит спрятанные в зале вещи — подсказывают. Угадывает даты рождения — подставной человек».

— ...Итак, — пронзительно взглянув на меня, произнес Михаил Абрамович, — слушаю ваши вопросы.

Э, нет. Именно этого мне и не хотелось.

— Видите ли...

— Вижу. Все вижу. Вы желаете получить ответы, не задавая вопросов.

— Да, но как вы отгадали?!

— Простите, но мы договорились, что вы не будете задавать вопросы вслух.

ОСТАЮСЬ в номере один.

Михаил Абрамович — в передней. Дверь заперта и наглухо закрыта шторой. Быстро записываю на бумажке вопрос и лихорадочно соображаю: куда бы

спрятать. На полу — толстый гостиничный ковер. Под него? Нет! Эта же мысль приходит в голову всем зрителям, кто участвует в опытах Куни. И он знает об этом. На стуле висит пиджак артиста. Извините, Михаил Абрамович, но я лезу к вам в карман.

В передней крепко завязываю глаза Куни и надеваю ему на голову черный мешок.

Куни сильно сжал мою руку и зашептал: «Думайте. Думайте, куда вы спрятали бумажку. Мысленно ведите меня к ней». Его рука властно увлекла за собой. Мы вошли в комнату, я увидел пиджак. «Прямо, прямо», — прокладываю в голове маршрут.

«Прямо, только прямо». На его руке выступили капельки пота — как будто она работает.

Он двинулся прямо к окну, осторожно нащупал стул, пальцы его быстро пробежали по пиджаку, опустились в карман и спокойно извлекли бумажку, на которой полминуты назад я написал вопрос: «Вы любите узнавать о других. Расскажите, пожалуйста, о себе».

— Сколько я себя помню, меня никогда не подводила память. Читать научился очень рано, и достаточно было один раз пробежать глазами какое-нибудь стихотворение, как его уже невозможно было выбить из головы. Но я никогда не предполагал, что память станет одним из главных инструментов моей будущей профессии. Я мечтал быть художником. И хотя в 1919 году поступил в Московский коммерческий институт, но любовь к живописи преодолела непреложность коммерческих законов, и я перешел учиться во ВХУТЕМАС.

Как-то в саду «Аквариум» я впервые увидел художника-моменталиста. И вспомнил, как в детстве я очень любил по памяти быстро ри-

совать всех своих друзей и знакомых. А что, если попробовать сейчас? Некоторое время я тренировался, а потом рискнул показаться. И меня взяли на эстраду.

Однажды меня пригласили на гастроль в Пермский цирк. Директор вначале расщедрился и предложил мне очень высокую ставку. Однако, посмотрев мою работу на репетиции, он смущенно подошел ко мне и сказал: «А больше вы ничего не сможете сделать для такой зарплаты?» Я пожал плеча-

ми: «Спички считать умею». «То есть как спички?» «А очень просто, — говорю. — Вы их разбрасываете на полу, а я в одну секунду скажу, сколько их». Директор был чрезвычайно обрадован, и это был тот редкий случай, когда мне представилась возможность «на спичках построить дачу»...

— МОЖЕТ БЫТЬ, еще раз попробуем с бумажкой? — предлагаю Куни.

Михаил Абрамович вновь выходит в переднюю. Запираю дверь и быстро прячу бумажку, на этот раз действительно под ковер. Рука артиста нетерпеливо ведет меня по комнате: «Думайте, думайте. Мысленно ведите меня к тому месту».

Ну уж, нет! И не подумую. Бумажка в пиджаке. Прямо, только прямо. Куни устремляется по старому пути, но вдруг останавливается, и вся его фигура выражает глубокое сомнение. «Ага, ясно», — слышу из-под колпака. Его рука еще крепче стискивает мою. Внезапно он делает разкий разворот и уверенно ведет меня к углу ковра. «Нет! Здесь ничего нет!» — вскрикивают мои мысли. Но он уже извлекает из-под ковра смятую бумажку.

— Зачем же обманывать, товарищ корреспондент? —

Он разворачивает листок и читает: «Каким образом вы запоминаете все те цифры, что записывают зрители на досках?».

— Честно говоря, я и сам недопонимаю весь механизм. Вспомните самый мой сложный номер. Вызываю из зрительного зала несколько человек и прошу их на черных досках написать мелом по пять колонок четырехзначные цифры. Стою спиной к доскам. Доски начинают вращаться. Прошу абсолютной тишины в зале — обязатель-

ное условие правильного ответа. Когда она полностью обволакивает зал, я резко поворачиваюсь к доскам. В эту минуту для меня все перестает существовать. Я как бы выключаю рубильник всех возможностей моей психики, воли, обостренной наблюдательности. И концентрирую их на одном — увидеть и запомнить. Человеку с отличной памятью понадобилось бы около двух часов, дабы запомнить, в каком порядке и где какие цифры расположены на досках. Я запоминаю это за 40 секунд.

НА СТОЛЕ появляется азбука, чуть больше той, что носят первоклассники.

— Сейчас я попробую прочесть ваш вопрос в ваших же собственных мыслях.

Я уже верю Куни на слово, даже не рискуя сомневаться. Задумываю третий вопрос и встаю рядом с Куни. Его рука медленно плывет над азбукой. «Думайте над первым словом». Думаю. Рука будто ощущивает буквы, проверяя их принадлежность к вопросу.

— Вы не оригинальны, — говорит Куни через несколько минут. — Этот вопрос мне приходится слышать на

каждом выступлении: «Скажите, не привлекались ли вы к следовательской работе?».

— Да. Порой мне пришлось участвовать в уголовных расследованиях.

Как-то по окончании моего выступления в одном Дворце культуры зашел за кулисы его директор и обратился с просьбой: помочь найти золотые часы, которые пропали накануне во время спектакля у одного актера из его гримировочной.

Директор сказал, что в краже он подозревает расклейщика афиш, его видели выходящим из гримировочной.

Через несколько минут расклейщик был в кабинете.

Беру его за руки — эксперимент начинается. Первый этап — в помещении дворца или вне его? Реакция подозреваемого показывает, что во дворце часов нет. Подходим к автобусной остановке, пропускаем один автобус, садимся во второй, с другим номером. Через несколько остановок выходим. Большие дома, новый бассейн для плавания, широкая шумная улица. Подходим к бассейну, и тут ощущаю, как у моего спутника наступило необычное, нервное, если хотите «шоковое», состояние. Состояние неотвратимости. И решительно и настойчиво приказал ему: «В воду!» Он сник, обмяк, разделся и покорно прыгнул в бассейн. Подплыл к правому углу и вытащил небольшой камень, к которому были привязаны тщательно завернутые в целлофановый мешочек злополучные часы.

ЧЕТВЕРТЫЙ вопрос я хотел выпалить тут же после расказа Михаила Абрамовича. Но он взял со стола первую попавшуюся книгу и усмехнулся.

— Книга — источник знаний. Из нее я и узнаю ваш очередной вопрос. Найдите в ней слова, что составляют его, и запомните страницы.

Быстро листаю, нахожу, запоминаю. Вновь ощущаю цепкую хватку Куни. Он резко делит книгу надвое: «Думайте, в какой половине книги слова: в первой или во второй. В первой или во второй... Значит, в первой». Комнату наполняет шестистранич. «Если я не ошибаюсь, первое слово именно здесь». Его пальцы быстро перебирают строчки. Моя физиономия невольно растягивается в улыбку, потому что палец Куни упирается в первое задуманное слово «как».

Второе — «вы» — он нашел еще быстрее. На третьем я не выдержал и расхохотался.

— Как вы это делаете?

— Еще Сеченов сказал: «Все бесконечное разнообразие внешних проявлений мозговой деятельности сводится окончательно к одному лишь явлению — мышечному движению». Любую, самую потаенную мысль выдают так называемые микромоторные реакции человека. Моя задача — уловить их.

Вспомните эксперимент с первым вопросом: вы честно мысленно вели меня к пиджаку. Когда я уходил в сторону — ваши микромоторные реакции безмолвствовали. Но стоило мне приблизиться к пиджаку, как «предатели» тут же выдавали мысли. Во второй раз вы пытались меня обмануть. Думали о другом. Но мысль, что бумажка лежит под ковром, продолжала жить в вашем сознании. Мне пришлось как золотоискателю промывать наносные ложные реакции, дабы добраться до настоящей.

Но если это так просто, я тоже решил угадать мысли самого Куни. Сжав нервы в кулак, нацелившись исподлобья на артиста, хватаю его руку. Пальцы нащупывают часы, взгляд невольно падает на циферблат... и я все понимаю. Начинаю прощаться.

В. ДРАННИКОВ.

«МОСКОВСКАЯ ПРАВДА»
12 ЯНВ 1967